

Борис Степанов

Все говорят, что мы (в)месте.
Все говорят, но немногие знают – в каком...

А.Ф. Филиппов. Социология пространства.

СПб.: «Владимир Даль», 2008. – 285 с.

Как и другие повороты в гуманитарном знании XX века, «пространственный поворот» стал еще одной попыткой обозначить границы модернистского научного проекта. Однако более пристальный взгляд на этот модный и влиятельный топос междисциплинарной идеологии современной науки обнаруживает, что в разных дисциплинах эти границы могут видеться по-разному¹. Что касается появившихся в нашей науке синтетических опытов гуманитарной географии, то они очень часто тяготеют к междисциплинарной эклектике (малорефлексивной – в отличие от западных аналогов), а то и вообще к выходу за пределы современных научных и философских конвенций. Наиболее продуктивные из них связаны с анализом политических значений пространственного конструирования. Те же работы, как, например, книга Н. Копосова «Как думают историки», авторы которых пытаются на базе анализа пространственного воображения выстраивать самокритику дисциплины, в определенном смысле останавливаются на полпути. С одной стороны, в них не дается систематической проработки темы пространства, с другой – они с трудом включаются в дело профессиональной саморефлексии². Между тем рецензируемая нами книга А.Ф. Филиппова, посвященная проблематике пространства в социологии, представляет собой весьма последовательный и органичный проект.

Задача, поставленная автором книги, поистине фундаментальна. Образующие канон дисциплины системные теории – от М. Вебера и Э. Дюркгейма до Н. Лумана – последовательно вытесняют пространство на периферию социологической рефлексии. До некоторой степени это свя-

¹ См., например: *Thinking Space*. London: Routledge, 2000; *The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspective*. London: Routledge, 2008. По-разному может оцениваться и нечувствительность к пространственной проблематике той или иной области исследований, которая может объясняться доминированием историзма, семиотики или представлениями о пространственной стабильности в отношении к социальному действию.

² См. об этом: *Уваров П.Ю. Думают ли историки? А если думают, то зачем?* Заметки о книге Н.Е. Копосова «Как думают историки» (М., 2001). – В кн.: *Одиссей: Человек в истории*. 2003. М.: «Наука», 2003, с. 303–331.

зано с тем, что само определение социального как объекта научной рефлексии предполагало разрыв с представлением о существовании некоего абсолютного пространства, выступающего своего рода контейнером для вещей, а также с отказом от идеи географической детерминации социального³. Более того, проблематика пространства, как показывает А.Ф. Филиппов, остается во многом периферийной и в тех концепциях, которые уделяли специальное внимание анализу пространства – примером здесь могут быть экологические и урбанистические концепции теоретиков Чикагской школы Р. Парка и Э. Берджесса. «Можно говорить о значении пространства, можно продуктивно изучать территориальные аспекты социальной жизни, но все равно в какой-то момент мы узнаем, что “вот здесь” пространство уже не важно, причем не важно оно в самых развитых, эволюционно более поздних и высших областях. Каким образом то, что *первично* было пространственным, перестает быть таковым? Вот как получается: пока тела соприкасаются, есть контакт, идет речь о территориях и пространстве. Как только перестали соприкасаться, вышли из области чувственной достижимости друг для друга, произошло – что? В каком пространственном смысле можно говорить о “вторичном контакте”? Имеют ли смысл вопросы о “где?” коммуникации и “где?” культуры и морального порядка? Наконец, можно ли всякий раз доверять непосредственности ощущения и не находится ли определение места в более сложной связи с культурой и моральным порядком?»⁴ Таким образом, задача, которую ставит перед собой автор книги, заключается не только в том, чтобы разобраться в причинах «пространственного дефицита» социологии, вернуть пространство в горизонт дисциплины и показать возможности его систематического осмысления, но еще и в том, чтобы увидеть его как тему, находящуюся на острие современной социологической рефлексии.

Необходимым условием этого социологического (воз)рождения пространства становится демонстрация того, каким образом пространственное различие включено в структуру социального опыта, а значит, и социологического наблюдения как рафинированной формы такового. Основой, определяющей построение социологии пространства, становится предлагаемая автором схема, которая показывает, как агенты пространственно соотнесены в социальном мире и какие типы пространственной рефлексии порождаются их отношениями. Корректируя концепцию социологического наблюдения Н. Лумана, Филиппов пояс-

³ Филиппов показывает, каким образом этот поиск социологией своего собственного предмета был связан с решением классической проблемы дуализма духа и природы.

⁴ Филиппов А.Ф. Социология пространства, с. 22–23.

няет, каким образом идентификация тела агента, его места в системе других мест и тел и иные аспекты пространственного различения соотносятся с его практическим и теоретическим опытом социального мира, в котором тот участвует одновременно и как действующий и как наблюдатель.

Замечательно то, что, определяя собою дальнейшее изложение, эта схема вовсе не призвана элиминировать специфику реферируемых автором теорий. Напротив, она выступает своего рода пробным камнем для тщательного (можно даже сказать – бережного) историко-социологического и теоретического анализа различных версий социологической мысли о пространстве⁵. Обосновывая различающий характер теоретического рассуждения, Филиппов обращается к введенному М. Фуко понятию исторического априори. Задачей теоретика становится изучение *«граничных условий определения в теории характера “действительности”, <...> способов взаимосвязи базисных высказываний»*⁶. В данном случае это означает не только показать, в каком смысле обращение к проблематике пространства характеризует теоретический выбор, определяющий логику той или иной концепции. Речь идет также и об определении релевантности различных концепций в свете обнаружения собственного смысла пространства, возможности сделать его центром социологической рефлексии. Храня верность социологической перспективе, автор с интересом относится к современным концепциям, в том числе и тем, которые академической наукой часто игнорируются как «постмодернистские». Однако их рассмотрение показывает, что подходы современных исследователей не всегда оказываются более продуктивными, чем фрагментарные замечания классиков.

Так, весьма критично Филиппов настроен по отношению к такому модному и весьма политизированному направлению изучения пространства, как теория глобализации⁷. В противовес этой «скудной идеологической конструкции», пафос которой заключался в преодолении «региональных различий и локальных ограничений»⁸, он ориентируется на

⁵ Показательно, что автор сравнительно редко отсылает читателя к общим направлениям в социологии, таким, например, как социология знания или феноменологическая социология, работая преимущественно с рассуждениями конкретных ученых, соотносящимися с проблематикой пространства.

⁶ Там же, с. 46.

⁷ В плане ухода от политики можно считать характерным и то, что в книгу не включены исследования автора о пространстве империи, которыми, как он поясняет, и был во многом инспирирован его интерес к этой теме.

⁸ Там же, с. 4.

выработку иной, более фундаментальной и гибкой теории пространства. Наряду с утверждением самостоятельного значения пространства (которое выражается в том числе и в его своеобразной упругости, непроницаемости для социологической мысли) Филиппов стремится продемонстрировать пригодность этого социологического проекта для описания модернистского общества с его дифференцированностью и многозначностью. И здесь автор опять-таки апеллирует к М. Фуко, которого сегодня называют одним из инициаторов «пространственного поворота», заимствуя у последнего идею гетеротопии. «*Современное* (в не определяемом более точно значении) понимание пространства, – пишет Филиппов, – таково: есть некоторое устройство, расположение мест и территорий, а есть, кроме того, разного рода добавления, наслоения и многообразные восприятия этих мест и территорий. “То же самое” место может быть занято разными людьми или группами. На “том же самом” месте могут быть построены разные здания, проложены дороги и т.п. Наконец, “та же самая” территория может по-разному восприниматься разными людьми (что находит свое выражение в популярной идее “мысленного картографирования”)»⁹. Целью обращения к пространству становится, таким образом, предотвращение редукционизма, в который социология часто впадает – относительно как многозначности смыслов пространства, так и сложной мотивации социального поведения, не сводимого к практическим схемам или функциональной целесообразности. И хотя сформулированные выше тезисы на первый взгляд могут показаться тривиальными, практически «настроить» социологическую теорию в соответствии с ними, как показывает проведенный Филипповым анализ, оказывается делом вовсе не простым.

Социология пространства начинается в работах Г. Зиммеля, впервые употребившего само это словосочетание и наметившего ряд принципиальных оснований данного проекта¹⁰. У немецкого социолога Филиппов находит, в частности, «*конкретную феноменологию социальности*»¹¹. Этот феноменологический анализ позволяет, во-первых, описать социальные аспекты чувственного опыта и, во-вторых, зафиксировать соци-

⁹ Там же, с. 239–240.

¹⁰ В книге «Теоретические основания социологии пространства», являющейся своего рода первым вариантом «Социологии пространства», мы находим интересные наблюдения по поводу того, каким образом интерес к пространству, в целом характерный для зиммелевской версии социологии, помешал немецкому социологу войти в число полноценных классиков этой дисциплины.

¹¹ Там же, с. 106.

альные значения важнейших элементов опыта пространственного – дистанции, границы и т.п. В работах Зиммеля можно найти и зачатки концепции наблюдателя, без которой нельзя понять смысловое многообразие пространства. Резюмируя его концепцию, Филиппов отмечает, что пространство предстает в ней как некий заселенный людьми «кусочек *почвы*», который может быть для них «и пустым “Ничто”, и неким “Между” (наполненным их взаимодействием и практической, востребующей его деятельностью), и уникальным, исключительным местом размещения тех или иных социальных образований»¹².

Обсуждая более поздние опыты размышлений о пространстве, Филиппов показывает, каким образом найденные принципы могут быть систематически развернуты в более обобщенную концепцию. Так, опираясь на построения Э. Гидденса (в частности, на используемые английским социологом понятия «локал» и «соприсутствие»), Дж. Урри и Б. Верлена, он демонстрирует способ дополнения феноменологической концепции пространства, основанной на интерпретации взаимодействия «лицом-к-лицу». Благодаря этому появляется возможность включить в концепцию те явления, которые традиционно связываются с процессом глобализации. Однако автор стремится уйти от навязчивых политических коннотаций последней, переключаясь на более обобщенные и вместе с тем более локальные ее характеристики. Главной здесь становится вариативность, контингентность социального действия, возможная, в частности, благодаря тому, что «социально-культурные значения, пространственные и временные компоненты действия уже не сочленены прочным образом. *Напротив, всякий раз специфично и весьма многообразно они все время комбинируются по-новому*»¹³. Наиболее ясно это демонстрирует характеристика повседневной жизни современного общества, которую предоставляет нам драматургическая социология И. Гофмана¹⁴. Пространственность в ней оказывается коррелятом событийности социального взаимодействия. Социальный смысл пространства фиксируется здесь не только на уровне значений, объективированных в

¹² Там же, с. 89–90.

¹³ Там же, с. 161. Вслед за немецким социальным географом Б. Верленом Филиппов связывает эту особенность с определяющей ролью денег и письма, а также «экспертных систем» в формировании современного общества.

¹⁴ Здесь стоит сослаться на типичную конструкцию описательных схем у Гофмана «обычно бывает так, что... но возможно, что...», предполагающую контингентность социальных действий, т.е. возможность для них быть другими (см.: там же, с. 229). Понятие контингентности – способности быть другими, – заимствованное у Н. Лумана, используется Филипповым и для характеристики его образа теории.

пространственной организации, которая всегда имеет приблизительный характер. Пространство «и разделяет и соединяет участников взаимодействия. В нем находятся барьеры для восприятия, но в нем же размещены тела взаимодействующих. Таким образом, – будь то дистанция или территория, – пространство представляет собой и ограничение, и ресурс действия»¹⁵. Важно также и то, что наряду с общими для участников практическими пространственными схемами любое пребывание, перемещение, участие, присутствие, препятствие могут выступать как самоочевидные или иметь ярко выраженный характер и оказываться в фокусе внимания участников этого взаимодействия¹⁶. Определенные места делают видимыми социальные отношения и соотносятся с определенными *событиями* коммуникации¹⁷.

Таким образом, гетеротопологическая настройка социологии оказывается связана с признанием зазора между пространством и его социальным смыслом. Необходимой ее предпосылкой становится критика социологизма, поспешной редукции пространственного к социальному, которую Филиппов обнаруживает во влиятельных критических версиях социологии пространства П. Бурдьё, А. Лефевра и отчасти Э. Гидденса. Критикуя находимую им в работах Бурдьё концепцию телесного опыта, непосредственно воплощающего опыт социальный, Филиппов задается вопросом: «... не получается ли так, что регулярности, на которые настраивается тело действующего, суть транслированные в физический мир социальные регулярности? И не оказываемся ли мы тогда во власти чрезмерного социологизма? Или, напротив, не получается ли так, что наш социологизм недостаточен, потому что под регулярностями мы не готовы понимать регулярности социального мира, находящие свое вы-

¹⁵ Там же, с. 230.

¹⁶ См.: там же. Схожие антропологические модели мы находим в концепции повседневного освоения пространства М. де Серто, а также в теории культуры как совокупности контрольных механизмов К. Гирца. См.: *Серто М. де. Рассказанное пространством* (пер. М. Сухотиной). – В кн.: *Объять обыкновенное. Повседневность как текст по-американски и по-русски*. М.: «Изд-во Московского ун-та», 2004, с. 75–94; *Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры*. – В кн.: *Его же. Интерпретация культур / Пер. с англ.* М.: «РОССПЭН», 2004, с. 9–42.

¹⁷ *Филиппов А. Ф. Социология пространства*, с. 237. Другая столь же важная линия рассуждений Филиппова заключается в том, чтобы сделать социологическую рефлексию чуткой к феноменам моральной и эстетической солидарности с пространством, а также к «атмосферическим характеристикам», связанным со специфической неоднородностью места, проживаемого действующим.

ражение в поведении материальных тел, будь то расписание движения поездов или ритмы большого города...»¹⁸ Уходя от пространственного или географического детерминизма, исследователь не должен впадать в социологический редукционизм. Поиск глубинной идеологии пространства (означающий подспудное отрицание и у наблюдателя и у действующих некоей непосредственной интуиции пространства) расходится с идеей гетеротопологии, лишает нас возможности различать его многообразные смыслы.

Критика социологизма подводит к проблеме соотношения социального и физического пространств, принципиальной для социологии пространства, которая, как мы помним, открывалась радикальным вопросом о том, в каком месте находится социальная структура. Сопоставляя различные теории, автор пишет об относительности категориального и метафорического статуса высказываний о пространстве в таковых. В одних теориях социальное пространство, понимаемое как пространство социальных позиций, рассматривается в виде метафоры евклидова пространства, в то время как в других – например, у А. Лефевра и З. Баумана – возникает обратная ситуация, поскольку пространство понимается как социальный продукт¹⁹. Неопределенность в решении этого вопроса можно трактовать как указание на функцию концептуальной схемы у социологии пространства – быть матрицей диалога различных теорий с их разнообразным эстетическим, философским и повседневным бэкграундом. На наш взгляд, однако, этот тезис расходится с изначальной установкой на то, чтобы исследовать *собственный* смысл пространства и соответственно рассматривать последнее *неметафорическим* образом. Признание фундаментального значения пространства для социологии предполагает, по-видимому, отказ от определения его в качестве «социального». Вместе с тем, несколько нарочито провокативным применительно к социальному выглядит вопрос «где?», который, как следует из сказанного в книге, неразрывно связан с «что?», «как?» и другими вопросами социологического рассуждения²⁰. Не случайно предметная область социологии пространства в заключении описывается автором при помощи понятия социального события – уже не просто пространственного²¹.

¹⁸ Там же, с. 146.

¹⁹ См.: с. 186–192.

²⁰ Показательно, что позиция автора книги описывается не пространственными категориями (и, в частности, не «национальной» и «региональной» спецификой, на которую он бегло указывает в начале своего труда), а категориями историческими – такими, как «дух времени», историческое *a priori* и т.п.

²¹ Там же, с. 259.

Только что сказанное вовсе не противоречит цельности предложенного построения. Книгу пронизывает стремление к четкости и последовательности изложения: в конце каждой главы автор помещает тезисы, резюмирующие ее содержание, в заключении к книге содержится глоссарий и набросок программы эмпирических исследований. При этом автор весьма требователен к своему читателю, ожидая от него готовности менять регистры теоретического рассуждения, искать в различных концепциях резервы пространственной рефлексии и следить за разнообразными пространственными логиками. Да и стремление наполнить социальным содержанием сугубо пространственные термины, достаточно непривычные и абстрактные в сравнении с традиционными социологическими понятиями, не облегчает положения читателя²². Вместе с тем, этот изощренный и в некотором отношении лабораторный продукт кажется весьма своевременным и значимым – не только как характеристика новой исследовательской перспективы, но и как нетривиальный взгляд на историю самой социологии. Добавим к этому, что книга позволяет углубить нашу способность чувствовать неочевидные связи между пространственностью и социальностью.

²² Эмпирические исследования в области социологии пространства Филиппов видит как следующий этап, называя свою работу пропедевтической.